

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

**ESSAYS
ON THE HISTORY
OF RUSSIAN
ARCHAEOLOGY**

Issue VII

Moscow

2025

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
АРХЕОЛОГИИ**

Выпуск VII

Москва
2025

УДК 902/904
ББК 63.4
О95

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН

Редакционная коллегия:
П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина (ответственные редакторы),
Д.С. Коробов, С.В. Кузьминых, И.А. Сорокина

Ответственный редактор выпуска
И.А. Сорокина

Рецензенты: А.А. Масленников, Ю.Б. Цетлин

Очерки истории отечественной археологии. Выпуск VII. –
М.: ИА РАН, 2025. 462 с.: ил.

Сборник статей «Очерки истории отечественной археологии. Выпуск VII» продолжает серию изданий по истории археологической науки в российском/советском государстве и посвящен процессу сложения советских археологических школ. В основе статей – архивные материалы, малотиражные и труднодоступные старые публикации, заметки в местной прессе. Большая часть известных советских археологических школ сложилась в 1970-х гг., но процесс был запущен гораздо раньше. Иногда предпосылки возникали уже в конце XIX в., но чаще – с начала советского периода, в 1920–1930-х гг. Далее они могли быть или реализованы в полной мере, или уничтожены по разным причинам. Анализ этих реалий и посвящен сборник. Хронологический диапазон с конца XIX в. до начала 1960-х гг. Географический ареал: от арктической зоны на севере до Крыма, Краснодарского края и Северного Кавказа на юге и от западных границ СССР (территория современной Беларуси) до Восточной Сибири.

Сборник будет интересен археологам, историкам и преподавателям истории, краеведам, всем, интересующимся судьбами археологического наследия.

ISBN 978-5-94375-463-0
DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-463-0

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2025
© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Д.С. Коробов, И.А. Сорокина).....	10
<i>Вайтович А.В.</i> Из истории белорусской советской археологии межвоенного времени: книги, не дошедшие до читателей.....	20
<i>Вдовин А.С., Макаров Н.П.</i> Красноярский археологический центр или археологическая школа?.....	37
<i>Галкин Т.О.</i> «Из блокнота археолога»: работы Н.Н. Воронина во Владимире и окрестностях по материалам местной прессы (1930-е годы).....	60
<i>Детлова Е.В.</i> «Учитель и ученик»: Адольф Фуртвенглер и Оскар Вальдгауэр (по страницам переписки О.Ф. Вальдгауэра из Центрального архива Германского археологического института).....	78
<i>Жукова Е.Н.</i> Археология Калининской (Тверской) области в 1930–1950-х: попытка формирования традиций советской археологической школы.....	91
<i>Захарова Е.Ю.</i> Развитие археологии в Воронеже в первые годы советской власти: быть или не быть научной школе?.....	106
<i>Исланова И.В.</i> Исследования Н.И. Гумилевского в Вышневолоцком уезде: предыстория региональной полевой тверской археологии.....	120
<i>Каргин Ю.Ю.</i> Археология в Сталинградском областном краеведческом музее после возвращения в Сталинград и начало формирования волгоградской археологической школы (1954–1964 годы).....	128
<i>Китова Л.Ю.</i> Палеоэтнологическая школа Б.Э. Петри.....	143
<i>Кошман В.И.</i> Трагедия основоположника довоенной археологической школы в БССР А.Н. Лявданского (особенности обвинения, восстановление имени).....	156
<i>Малов Н.М.</i> Саратовская ученая архивная комиссия (1886–1920): истоки формирования провинциального научного центра по археологическому изучению Нижнего Поволжья.....	172

<i>Мельникова О.М.</i> Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера: организационные основания (вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х годов).....	189
<i>Непомнящий А.А.</i> Константин Эдуардович Гриневич в Керчи (1919–1921).....	204
<i>Руденко К.А.</i> Казанская школа булгаристики А.П. Смирнова: истоки и формирование (1930–1950-е годы).....	225
<i>Савенко С.Н.</i> Столичные и провинциальные археологические школы и формирование местных советских научно-педагогических сообществ центральных районов Северного Кавказа (1920–1940-е годы).....	241
<i>Сорокина И.А.</i> Перевод Института истории материальной культуры АН СССР из Ленинграда в Москву в контексте развития советской археологии в 1930–1940-х годах	257
<i>Ткачёв А.Н.</i> Феномен археологического кружка (роль М.В. Покровского в становлении кубанской археологии в 1920-е годы).....	284
<i>Тункина И.В.</i> М.И. Ростовцев. Родственный контекст. Часть 4. Братья Борис и Фёдор. Лишины.....	295
<i>Шамукарамова Ф.Ш.</i> Роль московских и ленинградских исследователей в формировании археологии Узбекистана.....	318
<i>Шумкин В.Я.</i> Археология арктической зоны Европы (этапы, задачи, идеи, результаты).....	331
<i>Юрочкин В.Ю., Майко В.В.</i> Академическая археология Крыма: период формирования (1948–1953 годы).....	357
 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	 366
SUMMARY.....	369
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	384
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	389

CONTENTS

INTRODUCTION (<i>D.S. Korobov, I.A. Sorokina</i>).....	10
<i>Vaitovich A. V.</i> From the history of Belarusian soviet archaeology of the interwar period: books that have not reached their readers.....	20
<i>Vdovin A.S., Makarov N.P.</i> Krasnoyarsk archaeological center or archaeological school?.....	38
<i>Galkin T.O.</i> “From an archaeologist's notebook”: N.N. Voronin's work in Vladimir and environs based on local press reports (1930s).....	60
<i>Detlova E. V.</i> “Teacher and student”: Adolf Furtwängler and Oskar Waldhauer (based on the correspondence of O.F. Waldhauer from the Central Archives of the German Archaeological Institute).....	78
<i>Zhukova E.N.</i> Archeology of the Kalinin (Tver) region in 1930s – 1950s: an attempt to form traditions of soviet archaeological school.....	91
<i>Zakharova E. Yu.</i> Development of archaeology in Voronez in the early years of soviet power: to be or not to be a scientific school?.....	106
<i>Islanova I. V.</i> Gumilevsky's research in Vyshnevolotsky district: background of regional field archaeology in Tver.....	120
<i>Kargin Yu. Yu.</i> Archaeology in the Stalingrad Regional Museum Museum of Local History after the return to Stalingrad and the beginning of the formation of the Volgograd archaeological school (1954–1964).....	128
<i>Kitova L. Yu.</i> Paleoethnological school of B.E. Petri.....	143
<i>Koshman V.I.</i> Tragedy of the founder of the pre-war archaeological school in the BSSR A.N. Lyavdansky (peculiarities of the charges rehabilitation).....	156
<i>Malov N.M.</i> Saratov Scientific Archival Commission (1886–1920): origins of the formation of the provincial research center for the archaeological study of the Lower Volga region.....	172
<i>Melnikova O.M.</i> scientific archaeological school of O.N. Bader: organizational bases (second half of 1940s – first half of 1950s).....	189

<i>Nepomnyashchy A.A.</i> Konstantin Eduardovich Grinevich in Kerch (1919–1921).....	204
<i>Rudenko K.A.</i> Kazan School of bulgarian studies of A.P. Smirnov: origins and formation (1930s – 1950s).....	225
<i>Savenko S.N.</i> Capital and provincial archaeological schools and formation of local soviet scientific and pedagogical communities in the central regions of the North Caucasus (1920s – 1940s).....	241
<i>Soroina I.A.</i> Relocation of the Institute of the History of Material Culture from Leningrad to Moscow in the context of the development of soviet archaeology in the 1930s – 1940s.....	257
<i>Tkachev A.N.</i> Phenomenon of archaeological circle: role of M.V. Pokrovsky in the formation of Kuban archaeology in 1920s.....	284
<i>Tunkina I.V.</i> M.I. Rostovtzeff. The kinship Context. Part 4: Brothers Boris and Fyodor. The Lishins.....	295
<i>Shamukaramova F.Sh.</i> Role of Moscow and Leningrad researchers in the formation and development of archaeology in Uzbekistan.....	318
<i>Shumkin V. Ya.</i> Archaeology of the Arctic zone of Europe (stages, tasks, ideas, results).....	331
<i>Yurochkin V.Yu., Mayko V.V.</i> Academic archaeology of Crimea: formation period (1948–1953).....	357
ABOUT THE AUTHORS.....	366
SUMMARY.....	369
ABBREVIATIONS.....	384
ILLUSTRATIONS.....	389

О.М. Мельникова

**ПЕРМСКАЯ НАУЧНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
О.Н. БАДЕРА:
ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х –
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1950-х ГОДОВ)**

Резюме. Исследование посвящено обсуждению феномена научной археологической школы на примере изучения истории коллектива, созданного О.Н. Бадером в Молотовском (Пермском) государственном университете во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. Анализируются сложившиеся в науке определения понятия «научная школа». На основе корпуса письменных источников, отложившихся в различных архивах, определяются характеристики этой формы организации научного сообщества в Перми. Показано, что значимым конструирующим элементом создания и функционирования научной археологической школы оказываются такие организационные формы как кабинет археологии, студенческий научный кружок, специализация по археологии, археологическая экспедиция, учебный музей археологии, университет в целом. Они впоследствии воспроизводились учениками О.Н. Бадера в создаваемых ими исследовательских коллективах в разных университетах страны и показали свою эффективность в процессе подготовки археологов. Предпринята попытка обоснования типа научной школы О.Н. Бадера как научно-педагогической.

Ключевые слова: О.Н. Бадер, научная школа, история археологии, Пермский университет.

*«...Он любил говорить о своей школе.
В действительности таковой не было...»
(Формозов, 2005. С. 55.)*

Интерес к изучению научных школ в исторических науках актуализировался на рубеже XX–XXI вв. (Корзун, Мягков, 2017. С. 364–410).

Археология не является здесь исключением. По-видимому, это связано с несколькими причинами. Первая из них – стремление упорядочить увеличивающееся знание по истории археологии. Одним из путей достижения этой задачи является создание классификационных систем, которые позволили бы увидеть общие тенденции в развитии науки в рамках социокультурной и национальной традиции. Кроме того увеличение количества исследовательских коллективов в разных регионах России, обретение ими определенной статусной независимости от столичной науки толкает их на поиск самоопределения, одним из которых и является научная школа.

История научных школ в археологии как самостоятельная научная проблема, имеет и важный мемориальный характер. Не случайно в археологии обсуждение научных школ чаще всего происходит в контексте истории исследовательских коллективов, научных учреждений, персональных биографий ученых или истории археологического знания, полученного в рамках конкретных научных школ (Мельникова, 2003). В образовательном процессе изучение истории научных школ выступает значимым фактором профессиональной социализации археологов, а включенность не-официтов в научную школу позволяет им творить в науке в ореоле авторитета научной школы.

Изучение истории научных школ можно рассматривать и как процесс саморефлексии археологической науки, позволяющий более пристально рассматривать процессы научного творчества, сохранения и трансляции исследовательской культуры, ценностей и норм археологической профессии.

Не вдаваясь в дискуссии об определении понятия «научная школа», можно указать, что оно употребляется чаще всего в двух случаях. О научной школе говорят как об уникальном явлении, когда возникающая между учеными общность взглядов, идей, интересов приводит их к тесному сотрудничеству, порождает неформальные взаимоотношения, привлекает новые молодые таланты и на долгое время определяет пути и темпы развития новых областей знания. В более узком смысле научную школу определяют как коллектив, объединенный не только организационными рамками, но и конкретной тематикой, общей системой взглядов, идей, интересов, традиций, ритуалов, сохраняющихся, передающихся и развивающихся при смене научных поколений.

Как правило, в истории науки существование научных школ в каждом конкретном случае получает статус историко-научного

факта с того момента, как появляются достаточно авторитетные свидетельства о том, что некоторые коллективы среди современников и потомков принято называть научной школой.

Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера получила такой статус задолго до ее специального историко-научного и историографического изучения. (Крайнов, 1975. С. 11; Оборин, 1983. С. 4; Оборин, 1998. С. 64; Бадер, 2001. С. 46; Пермский университет..., 2001. С. 12–13). Она возникла и сформировалась под воздействием целого ряда социальных (исторических и организационных), интеллектуальных, коммуникативных и, несомненно, личностных факторов, описанных и проанализированных монографически (Мельникова, 2003).

Специфика археологии в СССР послевоенного времени состояла в разреженности ее интеллектуального пространства. Драматические обстоятельства начала Великой Отечественной войны привели к тому, что О.Н. Бадер оказался в трудармии на Урале. Благодаря усилиям ректора Молотовского университета А.И. Букирева О.Н. Бадер стал доцентом кафедры всеобщей истории (Мельникова, 2003а. С. 67–69). Прикамье не было для него *terra incognita*: до войны, в 1929–1930 гг. он принимал участие в работе Вятско-Камской экспедиции Антропологического института МГУ под руководством Б.С. Жукова.

Приступая к исследованию памятников Прикамья, О.Н. Бадер детально изучил историю его археологического изучения, начавшуюся еще в XVIII в. в период «ученых путешествий». Он подчеркивал значимость работ предшественников XIX в., собравших большой археологический материал по Прикамью, особенно отмечая сильную местную исследовательскую традицию (Бадер, 1953. С. 3–4).

В «Трудах» Молотовского университета была опубликована серия статей об ученых, работавших на Урале в предвоенные годы. Их подборка была озаглавлена весьма символично: «О научном наследии советских исследователей археологии Урала Н.Н. Бортвина, П.А. Дмитриева, Н.А. Прокошева, М.В. Талицкого, Д.Н. Эдинга, Е.П. Аликина, С.Н. Топоркова» и сопровождалась библиографией их трудов (О научном наследии..., 1953. С. 188–197). О.Н. Бадер высоко ценил исследования Академии наук предвоенного десятилетия, профессионализм московских и ленинградских ученых, и отмечал, что основной чертой работ была их «плановность и широкий размах» (Бадер, 1953. С. 4).

О.Н. Бадер продолжил эту традицию, но в новых организационных формах, ставших значимым фактором «вышколивания» его учеников и позволивших реализовывать две основные функции научной школы: образовательную (воспитание и научение научному творчеству) и исследовательскую. Характеристика этой научно-организационной компоненты научной школы и составляет предмет настоящего исследования.

Местные предшественники О.Н. Бадера дореволюционной поры действовали в рамках научных обществ, ученых архивных комиссий. Однако образование в 1916 г. в Перми университета, открытого первоначально как отделение Петроградского университета, стало ключевым организационным основанием будущей археологической школы. Ее фундамент был заложен А.В. Шмидтом, оставленным в Петрограде для подготовки к профессорскому званию со специализацией по истории Древнего Востока, но волею случая оказавшимся в Перми во главе университетского музея изящных искусств и древностей. Он начал проводить археологические экскурсии для студентов, подготовил к печати работы ряд работ, среди которых «Первобытные обитатели Прикамья и их культура» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 535а. Л. 26). Как позднее в некрологе писал о нем В.И. Равдоникас, «он переключил свои исследовательские интересы в русло изучения археологии Восточной Европы. Богатство Западного Приуралья археологическими памятниками и относительно слабая его изученность привлекли к себе внимание А.В. и определило направление его исследований. Он становится знатоком Волго-Камского края» (Равдоникас, 1935. С. 126).

В 1932 г. А.В. Шмидт руководил Камской археологической экспедицией ГАИМК (далее КАЭ) – крупнейшей советской археологической экспедицией в довоенный период в Прикамье (1932). В 1933–1937 гг. археологическое знание о Прикамье прирастало работами этой экспедиции в зоне расположения будущей Камской ГЭС под руководством Н.А. Прокошева. Среди ее участников были однокашники О.Н. Бадера по университету и коллеги по работе М.В. Воеводский, А.В. Збруева, П.И. Борисковский, М.В. Талицкий.

За 6 лет работы экспедицией были обследованы памятники от неолита до XIII в., строгановский г. Орёл; подвергнуты раскопкам многие памятники (Археологические экспедиции..., 1962. С. 75–76). Однако, как писал впоследствии О.Н. Бадер, «почти неизученными оставались палеолитические памятники на р. Чусовой,

не был известен уральский мезолит, да и настоящий неолит, не был изучен ни один древнерусский памятник» (Бадер, 1953. С. 4–5).

Объективно до середины 40-х гг. XX в. отсутствовали предпосылки планомерного постоянного, сплошного изучения Прикамья местными исследователями. Усилия экспедиций ГАИМК/ИИМК были связаны с работами в районе строительства Камской ГЭС. Пермский университет не готовил археологов, что отражено в его учебных планах накануне и после революции.

В научном багаже О.Н. Бадера был значительный собственный опыт, сформированный годами работы в Московском отделении ИИМК, Музее антропологии МГУ; преподавание в МГУ; налаживание связей с краеведами и музейными работниками. А личные качества О.Н. Бадера позволили собрать круг молодых археологов, готовых реализовывать идеи ученого.

В архивных материалах (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2), публикациях биографического характера его учениками, коллегами, отмечаются глубокое знание предмета, наличие научной интуиции, сильный характер, блестящие организационные способности, умение видеть и формулировать научную проблему, способность к совместной работе, настойчивость в достижении поставленной цели, умение формировать общественное мнение, высокая работоспособность, педагогический дар (Крайнов, 1975. С. 5–13; Кольцов, 1980. С. 286–287; Оборин, 1983. С. 3–7; Оборин, 1998. С. 64; Панина, 1999. С. 6–19; Бадер Н.О., 2001. С. 44–47; Пермский университет..., 2001. С. 12–14 и др.).

Последнее качество заслуживает особого внимания, оно значимо для научной школы. Рабочий стиль и методы деятельности начинающих археологов во многом определялись О.Н. Бадером. Воспитание членов коллектива творчески самостоятельными людьми привело к позитивным научным результатам. В характеристике Института антропологии МГУ, представленной в Пермский университет, его директор профессор А.А. Дёмин, отмечал, что «О.Н. Бадер стяжал вполне заслуженную славу как талантливый, вдумчивый педагог, подготовивший в рядах учащейся молодежи не одно поколение специалистов-археологов. О.Н. Бадер продолжает оставаться всеми уважаемым и высокоценным членом научного и педагогического коллектива. Вся совокупность научной, педагогической, общественной деятельности т. Бадера вполне заслуженно имеет высокую оценку в виде премий и похвальных отзывов» (Архив ПГНИУ. Ф. 180. Оп. 2. Л. 2).

На начало 1945/1946 учебного года в Перми числилось 667 студентов очного обучения. Учебный процесс обеспечивали 122 преподавателя (из них 13 профессоров и 37 доцентов). О.Н. Бадер был зачислен доцентом в штат кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета. По учебному плану кафедры с первого семестра 1946 г. он начал вести курсы по истории первобытного общества, основам археологии и этнографии для студентов историко-филологического факультета и факультативные курсы по этнографии и археологии для студентов геологического факультета (Архив ПГНИУ. Ф. 180. Оп. 2. Л. 29). Кроме того, в учебные поручения О.Н. Бадера на 1946–1947 гг. входила организация кабинета археологии и руководство производственной практикой. С 1947/1948 учебного года в учебном поручении появляются спецкурсы по археологии, а в 1948/1949 гг. – создание музея археологии (АКА ПГНИУ. Необработанный архив О.Н. Бадера). В 1947–1948 гг. О.Н. Бадер исполнял обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории, о чем свидетельствует его подпись в этом качестве на бланке учебного поручения (Там же.).

Но при всей преподавательской нагрузке О.Н. Бадер был в первую очередь археологом. Сама система обучения студентов выстраивалась им, исходя из потребностей научного поиска. Начиная свою исследовательскую деятельность в Перми, ученый осознавал, что археологическое изучение столь обширного региона невозможно усилиями одного исследователя. Поэтому свою работу в университете О.Н. Бадер начал с создания эффективных форм организации научной деятельности. Дальновидным шагом стало создание студенческого научного археологического кружка, кабинета археологии, организация специализации по археологии на кафедре всеобщей истории, КАЭ и музея археологии.

Осенью 1946 г. был организован студенческий научный археологический кружок. Летом и в сентябре 1946 г. О.Н. Бадер возглавлял раскопки Института геологии АН СССР на стоянке им. М.В. Талицкого, во время которых одновременно руководил практикой студентов-историков II курса Молотовского университета (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 12. Д. 238. Л. 96). Участники этих раскопок и составили основу археологического кружка.

В «Отчете историко-филологического факультета за 1946/1947 уч. г.» для Ученого совета Молотовского университета указывалось, что «археологическая секция работала энергично и регулярно под руководством О.Н. Бадера. Члены секции провели 15 заседаний,

на которых обсуждались вопросы теории и практики археологической науки. Работа этой секции должна быть особенно положительно отмечена по своей четкой целеустремленности, ясности задач и перспектив еще и потому, что она представляет собой **зародыш настоящей научной школы, к созданию которой должен стремиться каждый научный работник**» [выделено мной. Это первое упоминание о коллективе, созданном О.Н. Бадером, как научной школе. – О.М.] (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 238. Л. 96).

Работа кружка была посвящена изучению археологических памятников Прикамья, обсуждению вопросов заселения этой территории человеком. Студенты-археологи делали научные доклады, тематика которых была неразрывно связана с теми материалами, которые они получали в ходе полевых работ. Эти выступления были результатами самостоятельных научных исследований студентов. Так, сохранилось упоминание о первом научном выступлении В.Ф. Генинга: в 1949 г. на заседании студенческого кружка он представил доклад на тему «К истории Вишерского края» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 12. Д. 1962. Л. 198–199).

О.Н. Бадер охотно делился своим опытом по организации работы студенческого научного кружка перед коллегами. Так, в марте 1948 г. в Молотовском университете проходила методическая конференция, где Отто Николаевич выступил с докладом «Опыт работы археологического и музейного кружков студенческого научного общества» (АКА ПГНИУ. Необработанный архив О.Н. Бадера).

Одновременно с руководством работой археологического студенческого кружка в 1946 г. в течение нескольких месяцев О.Н. Бадер активно работал над созданием кабинета археологии, приобретением учебных коллекций, научной литературы и оборудования для изучения собственных полевых материалов. Ректор А.И. Букирев в одном из документов отмечал: «доцент Бадер, начав работу в университете, вскоре приступил к созданию кабинета археологии, оборудовал его материалами своих раскопок и специально изготовленными по его эскизу пособиями, в результате чего этот кабинет является богатым археологическим собранием» (Архив ПГНИУ. Ф. Р-180. Оп. 2. Л. 29).

Создание учебного кабинета археологии в университете стало заметным событием в научной и культурной жизни города Перми. О нем писала областная газета «Звезда». Сам О.Н. Бадер придавал большое значение кабинету археологии. Он считал, что это «ме-

сто для специальных занятий студентов. В тоже время кабинеты являются лабораториями, куда поступает и где обрабатывается материал произведенных раскопок. В Молотове кабинет археологии должен со временем должен превратиться в университетский археологический музей. Кабинеты должны явиться научными, методическими центрами и играть руководящую роль в дальнейшем археологическом изучении Урала. Для этого помимо своей непосредственной научной работы они должны осуществлять связь с научными организациями центров, координируя исследования на Урале в общем плане. Одновременно кабинеты должны наладить тесную связь с работниками на местах – сотрудниками уральских музеев и краеведами, в необходимых случаях направляя их работу. Один из главных шансов на успех в работе обоих кабинетов – участие в ней студенческой молодежи, нашей будущей смены, формирующейся в аудиториях, экспедициях и лабораториях университетов» (Бадер, 1948. С. 66–67).

Следующий значимым шагом в организационном оформлении научной школы стало создание специализации по археологии. Подготовка профессионалов в области конкретной научной дисциплины является важным шагом дисциплинарной институционализации университетской археологии. Выступая на заседании Ученого совета Молотовского университета с докладом «Археологические исследования на Урале в 1946 году» в январе 1947 г., О.Н. Бадер сумел убедить его членов в необходимости подготовки кадров археологов в университете. Специализация по археологии была открыта приказом Министерства высшего образования и стала первой в региональных вузах СССР (Архив ПГНИУ. Ф. Р-180. Оп. 2. Л. 37).

Учебный план для специализации «Археология» предполагал изучение основ археологии (за счет часов по педагогике) (70 час.), каменного века (50 час.), бронзового века (70 час.), железного века (70 час.), античной археологии (50 час.), славяно-русской археологии (50 час.), истории археологических знаний (30 час.), спецкурсов (100 час.), спецсеминаров (100 час.), спецязыка (270 час.), производственную практику (180 час.) (Музей истории ПГНИУ. Д. 140). В основу программы подготовки археологов были положены учебные планы кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова, о чем свидетельствует активная переписка О.Н. Бадера с ее заведующим А.В. Арциховским.

Программа общего курса «Основы археологии» базировалась на учебниках и рабочей программе А.В. Арциховского. Для спец-

курсов активно использовались программы читавшихся в МГУ спецкурсов: «Железный век» (Б.Н. Граков), «Античная археология» (В.Д. Блаватский) и «История археологических знаний».

Будучи учеником Б.С. Жукова – одного из крупнейших советских специалистов в палеоэтнологическом направлении археологии, опиравшегося в изучении древних культур на синтез археологических, антропологических, этнографических, лингвистических источников и естественнонаучных данных, О.Н. Бадер максимально использовал интеллектуальный потенциал университета и ученых, оказавшихся в Перми в командировках, для чтения лекций студентам-археологам. В их числе профессора-геологи В.И. Громов, В. А. Апродин, П. И. Чирвинский, Г.А. Максимович; биологи Г.Ф. Дебец, А.И. Букирев, Д.Е. Харитонов; филолог П.С. Богословский; химик Ю. М. Абрамович. Перед студентами выступали многие советские археологи, приезжавшие в Пермь для изучения коллекций, а так же краеведы, музейные работники, преподаватели других вузов (*Оборин*, 1983. С. 4). В процессе обучения студентов О.Н. Бадер реализовывал свой принцип подготовки квалифицированных специалистов: активная включенность студентов в реальную научно-исследовательскую работу.

Важнейшим звеном в формировании научной школы в Перми стала организация весной 1947 г. университетской КАЭ. Она была учреждена ректором университета А.И. Букиревым как многолетняя экспедиция под руководством О.Н. Бадера. Перед ней были поставлены задачи дальнейшего систематического изучения археологических памятников Прикамья и, в первую очередь, в зоне затопления и подтопления КамГЭС, строительство которой возобновилось после окончания Великой Отечественной войны.

Экспедиция явилась значимым явлением для получения полноценных археологических источников по древней истории Прикамья. Здесь студенты осваивали навыки полевой исследовательской работы. Она явилась и местом передачи научных знаний по археологии, важнейшим средством коммуникации между учеными, студентами, аспирантами, краеведами, музейными работниками. Благодаря экспедиции пополнились региональные музейные коллекции и коллекции кабинета археологии. Полевое изучение памятников разных эпох позволило О.Н. Бадеру наметить определенную специализацию в тематике научных исследований студентов, а все вместе они «закрывали» своими исследованиями практически все известные археологические эпохи Прикамья.

Так реализовывалась исследовательская программа О.Н. Бадера в Перми. Необходимость исследования памятников всех эпох от палеолита до родановской культуры была необходима для важнейшей содержательной части исследовательской программы – составления культурно-хронологической схемы древней истории Прикамья. Для этого, как отмечал О.Н. Бадер, «пришлось начинать с широко поставленных систематических разведок и с подготовки для этого кадров молодых археологов, что осуществилось мною при Пермском университете» (Кузьминых, Бадер А.Н., 2023. С. 19). Позднее круг эпох и памятников расширился за счет увеличения территории обследования и улучшения качества этих изысканий. Ориентация на изучение памятников в широком хронологическом диапазоне диктовалась существовавшими теоретическими представлениями о природе археологических памятников. Она вытекала из марксистского понимания исторического процесса – идеи материалистического понимания истории, определившей цель советской археологии как «изучение истории человеческого общества на всех ступенях его развития, поскольку эта история может быть освещена сохранившимися остатками материальной культуры» (Бадер, 1950. С.5).

Исследование археологических памятников разных эпох в Прикамье также привело к необходимости развития методики полевых и камеральных исследований. Ее изложение предшествует практически всем публикациям, авторами которых являлись археологи ПГУ. В наиболее полном варианте эти методики обнаружения древних поселений и могильников, программы их обследования, характеристика условий расположения различного рода памятников на местности и наиболее характерные для них находки описаны О.Н. Бадером в книге «Археологические памятники Прикамья» (Бадер, 1950. С. 93–114). В этих методиках полевых исследований, основанных на общепринятых в науке приемах, постоянно подчеркивалась новизна, привнесенная КАЭ в процессе изучения древностей Прикамья.

Результаты работы с археологическими материалами, полученными КАЭ, студенты излагали в курсовых и дипломных работах. Поразительна работа О.Н. Бадера как научного руководителя и редактора этих работ. Сохранились многочисленные замечания и комментарии к работам разных лет. Ученый выступает в них не только как старший коллега, но видит в студенте равноправного исследователя научных проблем. Он учит студентов делать

убедительные выводы, подробно комментирует статистические таблицы. К каждой работе он задает обширный круг вопросов, корректирует язык курсовых работ, акцентирует внимание на их оформлении, анализе использованной литературы с подробным указанием страниц. В конце каждого комментария О.Н. Бадер формулирует свои выводы по работе.

Так, в замечаниях на курсовую работу Н. Мажитова, датированных 30 апреля 1952 г., он пишет: «Если в прошлом году Нияз описал материал одной землянки, то в этом году он хорошо сравнил его с обработанным материалом целого поселения. Но его вывод об отнесении к борскому этапу не доказан. Хорошо в последней главе сочетает свои выводы с положениями классиков марксизма-ленинизма. Но выводы имеют частью очень общий характер» (АКА ПГНИУ. Необработанный архив О.Н. Бадера).

Еще более тщательно О.Н. Бадер писал отзывы на дипломные работы своих студентов. Так в черновике отзыва на работу В.Ф. Генинга содержится такой комментарий: «Стиль изложения (построение фраз, согласование сказуемого, прилагательных, определений с подлежащими) оставляет желать лучшего, в особенности в последних главах.

Замечания. В литературе вопрос о гляденовской культуре не только оставался, но и остается спорным, а для каждого из авторов, писавших по этому вопросу, он казался, вероятно, не менее ясным, чем Генингу и Оборину.

Недостатки: нет ссылок на рисунки, нет табл. II. На таблицах следовало бы указать, что фото вещей сделаны по коллекции такого-то музея или пересняты из работы такого-то, что придаст им более достоверный и документальный характер.

Неубедительна версия о местонахождении восточного серебра: будто это клады ценных вещей, похищенных с родовых святилищ.

Не додумал: и в культе, и клады ценностей для обмена, но зачем же это только «похищенные с родовых святилищ?» – натяжка.

Датировка малых городищ неволинского времени еще только намечается, но еще не доказана: находками на городищах не доказана, но лишь сопоставлением близости неволинские могильники и находки к городищам небольших размеров. НАДО КОПАТЬ.

Разрешение вопроса об основных формах хозяйства, в особенности, о полукочевом скотоводстве не может быть окончательным до обработки фауны с нескольких раскопанных городищ и селищ с установлением соотношений.

Не убедительно, что пять линий укреплений строилось против конницы. И совсем уже напрасно автор использует это как аргумент в пользу полукочевого скотоводства.

Вообще выводы подчас не имеют прочной базы. Слишком уменьшено значение лесной охоты «она носила чисто случайные встречи с животными». Очень неявно говорится о плавке железа в ямах. Очень часто говорится о совсем неоднозначных фактах, например: «изредка, вероятно, были уже и более...».

Фауна не определена.

Совершенно не выправлена! Невозможно читать! Ошибки даже в цитатах, примеров не привожу – они бесчисленны!

Плюсы. Харинско-ломоватовская эпоха в Прикамье впервые получила свою научную характеристику. Впервые выделены харинские городища, одно из которых подвергнуто раскопкам. При том широким. Очень хороший подробный аппарат ссылок. Систематизация и реконструкция неволинского материала.

Очень интересно: процесс слияния харинской и гляденовской культур на примере ряда 1 Неволинского могильника. Большесемейная община, использует Энгельса, Косвена. Этногенез угорский. Преобладает угорский элемент в Сыктывкаре и Коми в Верхнем Прикамье. Чрезвычайно увлекательная картина, над которой впервые приподнимается завеса. И УВЛЕКАЯСЯ ЕЮ ВМЕСТЕ С АВТОРОМ, ТРУДНО ОСТАВАТЬСЯ ТРЕЗВЫМ, УДЕРЖАТЬСЯ В РАМКАХ ЛИШЬ ВПОЛНЕ ДОСТОВЕРНЫХ ФАКТОВ» (АКА ПГНИУ. Необработанный архив О.Н. Бадера).

Требовательное отношение к текстам работ учеников формировало их исследовательскую культуру и академическое письмо, что открывало возможность публикации результатов студенческих исследований в серьезных (и, к слову сказать, немногочисленных) археологических изданиях. ореол авторитета учителя – лидера формирующейся научной школы – переносился и на молодых исследователей. Первые работы В.А. Оборина, В.Ф. Генинга, З.П. Соколовой были опубликованы в научных изданиях еще в студенческие годы. Ученый секретарь ИИМК, Т.С. Пассек писала О.Н. Бадеру: «Пишите Вы и Ваша молодежь к нам в “Краткие сообщения”. В 1951 году мы выпустим 6 номеров (вып. 36–41) – это 70 печатных листов!» (АКА ПГНИУ. Необработанный архив О.Н. Бадера).

Логическим завершением в становлении организационных основ пермской научной школы О.Н. Бадера стало открытие 9 июня 1954 г. университетского музея археологии с фондом око-

ло 200000 номеров (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 12. Д. 323. Л. 42). Это событие стало непосредственным результатом работ КАЭ. Ученый так характеризовал значение университетского музея: «Музей целиком явился плодом собирательской и исследовательской деятельности КАЭ. Музей построен нашим коллективом в порядке личной инициативы, сверх плана. Большую помощь в его построении оказал студенческий археологический кружок и экспедиция в зоне строительства КамГЭС. Мы ставим ближайшей задачей пополнение и совершенствование нашего музея, ибо он является одним из методических центров для музейно-краеведческой работы в Приуралье и, наконец, базой для общеобразовательной и культурно-массовой работы. Расположение Музея в одном из общедоступных помещений университета обязывает построить его экспозицию так, чтобы она была вполне понятной не только специалистам» (Бадер, 1956. С. 128, 131).

Важную организующую роль в становлении Пермской археологической научной школы стало Первое Уральское археологическое совещание. Оно стало объединяющим центром в области развития археологии в регионе и важным фактором образования и воспитания научной молодежи (Первое Уральское..., 1948).

Организационным завершением сложения пермской научной археологической школы могло бы стать открытие кафедры археологии. Ученый совет Молотовского университета еще в 1947 г. прилагал усилия к ее созданию, считая ее существование базой для подготовки кадров археологов для Урала и смежных областей (Мельникова, 2003. С. 52). Но, по всей видимости, время для этого в те годы еще не пришло.

В середине 1940-х – первой половине 1950-х гг. О.Н. Бадер заложил значимые организационные формы воспитания нового поколения археологов, которые затем многократно повторялись в других коллективах, созданных его учениками, нередко трансформируясь в дочерние археологические научные школы. Эти школообразующие практики оказались востребованными в советской послевоенной археологии в университетах страны. Создание кабинета археологии, студенческого научного кружка, специализации по археологии, археологической экспедиции и музея можно считать определенной закономерностью в формировании советских научных школ. Важным элементом, фиксирующим институционализацию научной школы, является проведение коллективом крупных региональных научных конференций.

Возвращаясь к эпиграфу статьи, постараюсь подискутировать с А.А. Формозовым. Значительная часть научных археологических школ в СССР сформировалась на базе университетов, отличающихся своими научными традициями, практиками вышколивания, способами позиционирования себя в научном пространстве. Развитие послевоенной археологии в регионах страны имело основным организационным центром своего существования университет, школа формировалась и развивалась в границах системы высшего образования, выступая как «университетская наука». При такой организации на первый план выдвигалась такая «ипостась» науки как «научение» (дидактическая). Необходимость систематизации археологического материала для изложения в студенческой аудитории порождало классификационные схемы, превращая классификацию в специальный вид научного исследования. Поэтому, как кажется, исследовательские программы региональных научных школ формировались на основе реализации идеи составления региональных культурно-хронологических схем по материалам широкомасштабных полевых исследований. Исследовательское поле опосредовалось процессом преподавания. Поэтому для научной школы была характерна неразрывность дидактических и познавательных процессов. Очевидно, это и предопределило специфику университетских научных школ в археологии в послевоенные годы и их научно-педагогический характер.

Литература

- Археологические экспедиции..., 1962. Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии Наук СССР. 1919–1956 гг. Указатель. М.: Изд-во АН СССР. 264 с.
- Бадер О.Н., 1948. Кабинеты археологии при университетах Свердловска и Молотова // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов. С. 66–67.
- Бадер О.Н., 1950. Археологические памятники Прикамья. Молотов: Книжное изд-во. 116 с.
- Бадер О.Н., 1953. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. (1947–1952 гг.) // Ученые записки МолотовГУ. Т. IX. Вып. 3. Труды КАЭ. Харьков: Изд-во Харьковского гос. университета им. А.М. Горького. С. 4–88.
- Бадер О.Н., 1956. Музей археологии Прикамья при Пермском университете // Ученые записки ПГУ. Т. XI. Вып. 3. Труды КАЭ. Вып. II. Харьков: Изд-во Харьковского гос. университета им. А.М. Горького. С. 127–131.

- Бадер Н.О., 2001. Бадер Отто Николаевич // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий. М.: ИА РАН. С. 44–47.
- Кольцов Л.В., 1980. Памяти О.Н. Бадера // СА. № 2. С. 286–287.
- Корзун В.П., Мягков Г.П., 2017. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной). М.: Аквилон. С. 364–410.
- Крайнов Д.А., 1975. К 70-летию Отто Николаевича Бадера // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука. С. 5–13.
- Кузьминых С.В., Бадер А.Н., 2023. Воспоминания О.Н. Бадера. «Пешком и под парусами в далекое прошлое. Записки археолога» // XVI Бадеровские чтения: сборник научных статей по материалам Всероссийской (с международным участием) науч. конф., посвященной 120-летию со дня рождения О.Н. Бадера (г. Пермь, ПГНИУ, 27 ноября – 1 декабря 2023 г.). Пермь. С. 16–23.
- Мельникова О.М., 2003. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.): Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 7. Ижевск: УдмГУ. 180 с.
- Оборин В.А., 1983. Вклад О.Н. Бадера в развитие уральской археологии // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск. С. 3–6.
- Оборин В.А., 1998. Бадер О.Н. // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига. С. 64.
- О научном наследии..., 1956. О научном наследии советских исследователей археологии Урала Н.Н. Бортвина, П.А. Дмитриева, Н.А. Прокошева, М.В. Талицкого, Д.Н. Эдинга, Е.П. Аликина и Е.С. Топоркова // Ученые записки МолотовГУ. Т. IX. Вып. 3. Труды КАЭ. Харьков: Из-во Харьковского гос. университета им. А.М. Горького. С. 187–197.
- Панина С.Н., 1999. Археология Восточного склона Урала (от В.И. де Геннина до В.Ф. Генинга) // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Екатеринбург. С. 6–19.
- Первое Уральское..., 1948. Первое Уральское археологическое совещание, 1948. Молотов. 85 с.
- Пермский университет..., 2001. Пермский университет в биографиях ученых (1916–2001 г.). Пермь. 280 с.
- Пермский государственный..., 1966. Пермский государственный университет им. А.М. Горького. Исторический очерк. Пермь: Пермское книжное изд-во. 260 с.
- Равдоникас В.И., 1935. Памяти А.В. Шмидта // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9–110. С. 126–128.
- Формозов А.А., 2005. Человек и наука: Из записей археолога. М.: Знак. 222 с.

Научное издание

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Выпуск VII

Отв. редактор: И.А. Сорокина
Верстка: Г.С. Пузакова
Дизайн обложки: Н.С. Сафронова

Подписано в печать 12.11.2025

Формат 60х90/16

Уч.-изд.л. 27,0

Бумага офсетная

Тираж 300. Заказ №

ИА РАН
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в

ISBN 978-5-94375-463-0

